

ИСТОРИЯ ЕНИСЕЙСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА КАК ФАКТОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЕНИСЕЙСКА

Румянцев М.В.¹, Семенова Е.В.², Семенов В.И.²

¹*Сибирский федеральный университет, Красноярск;*

²*Лесосибирский педагогический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Лесосибирск, e-mail: elenacs@mail.ru*

Статья посвящена проблеме изучения культурно-исторического наследия. Высказывается мысль о том, что человек и культура могут существовать независимо друг от друга, но для образования человека важно приобщение его к культурно-историческому наследию. Подчеркивается идея важности владения фактологической основой для эффективного освоения культурно-исторического материала. Подробно исследуется терминология объекта исследования: «культурно-историческое наследие», «культурное наследие», «культурный ландшафт». Для достижения цели исследования сделан выбор в сторону понятия «культурно-историческое наследие». Доказано, что история и культура взаимодействуют и воплощаются в культурно-историческом наследии, но имеют разную природу. Высказывается идея о том, что богатое духовное наследие Енисейска можно трактовать одновременно с позиции конкретной исторической эпохи и как культурную самоценность. Дано краткое описание истории Енисейского педагогического института. Доказано, что изучение фактологической основы истории Енисейского педагогического института открывает новые возможности для интерпретации и оценки культурно-исторического наследия Енисейска с современных позиций.

Ключевые слова: Енисейский педагогический институт, история, культурно-историческое наследие.

HISTORY OF YENISEISK PEDAGOGICAL INSTITUTE AS FACTUAL BASIS FOR THE STUDY OF CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF YENISEISK

Rumyantsev M.V.¹, Semenova E.V.², Semenov V.I.²

¹*Siberian Federal University, Krasnoyarsk;*

²*Lesosibirsk Pedagogical Institute – the branch of Siberian Federal University, Lesosibirsk, e-mail: elenacs@mail.ru*

The article is devoted to the study of cultural and historical heritage. It is suggested that people and culture can exist independently of each other but it is important for the formation of human adaptation to the cultural and historical heritage. The importance of the idea of ownership of the factual basis for the effective development of the cultural and historical material is emphasized. A detailed investigation of terminology of research project is given: "cultural and historical heritage," "cultural heritage", "cultural landscape". The choice in favor of the concept of "historical and cultural heritage" is done for achieving the research objectives. It is proved that the history and culture interact and are embodied in the cultural and historical heritage but they are of different nature. It is proposed that the rich spiritual heritage of Yeniseisk can be treated simultaneously with the position of a particular historical period and as a cultural value in itself. A brief description of the history of the Yenisei pedagogical institute is done. It is proved that the study of the factual basis of the history of the Yenisei Pedagogical Institute opens up new possibilities for the interpretation and evaluation of cultural and historical heritage from modern positions.

Keywords: Yeniseisk Pedagogical Institute, history, cultural and historical heritage.

Сущностное культурное развитие человечества основано на создании духовного богатства, которое имеет тенденцию накапливаться, собираться и расти. Главными основаниями этого богатства были и остаются вечные человеческие ценности: истина, добро, красота. Этот огромный пласт всего созданного человечеством существует сам по себе, человек любой эпохи может свободно без него обойтись, пройти мимо, не вникая в сущность и детали, что еще раз подчеркивает независимое параллельное сосуществование человека и культуры.

Этот парадокс редко озвучивается или исследуется, он относится скорее к области эмпирики. Как правило, гуманитарная наука всегда была склонна к другому: культура и ее наследие воспринимались и акцентировались в контексте безусловных ценностей, которыми необходимо овладевать каждому подрастающему поколению. На этом основаны идея сохранения «связи времен», традиции мировой философской и педагогической мысли и образовательной практики.

Для того чтобы каждое подрастающее поколение вобрало в себя лучшее из культурного наследия прошлого, необходимо соблюдение как минимум двух условий. Во-первых, исходя из гуманитарной сущности культурного наследия, следует использовать этот мощный ресурс для воспитания подрастающего поколения как в прямой, так и в косвенной формах. Во-вторых, следует создавать такие условия, чтобы у обучающегося формировалась мотивация к самостоятельному изучению культурного наследия, что будет неременным педагогическим условием эффективной деятельности в данном направлении. Роль фактологической базы, которой нужно овладевать, здесь сложно отрицать.

Цель предлагаемой статьи – исследовать историю Енисейского педагогического института как фактологическую основу изучения культурно-исторического наследия старинного сибирского города Енисейска, чей 400-летний юбилей будет отмечаться в 2019 г.

Для начала обратимся к терминологии объекта исследования.

Изучение эволюции понятия «культурно-историческое наследие» убеждает нас в том, что здесь нет единого понимания термина. На наш взгляд, это связано с многомерностью самого феномена и, как следствие, невозможностью терминологической унификации. Сложность заключена еще и в том, что в термине соединены две реалии: культура и история, сферы различных областей научного знания. Поэтому в специальной литературе можно встретить изолированные термины «культурное наследие», «культурное и природное наследие», «культурно-историческое наследие».

Начнем с драматически сложившейся судьбы научного гражданства термина «культурное наследие».

Л. Протт так пишет о трудностях, связанных с определением «культурного наследия»: «В то время как эксперты культуры в различных сферах имеют достаточно ясное представление о предмете своего исследования, официальное определение культурного наследия – одна из самых сложных точек преткновения для ученых» [10, с. 224–317]. В «Толковом словаре» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой культурное наследие определяется как «...явление духовной жизни, быта, уклада, унаследованное, воспринятое от прежних поколений, от предшественников» [6, с. 391]. В широком смысле культурное наследие – это то, что подлежит сохранению в настоящем ради возможности потребления в будущем [7].

В многочисленных толкованиях «культурного наследия» четко просматривается следующая идея: «культурное наследие есть то, что создано теми, кто жил и творил до нас для того, чтобы мы это сохранили, могли использовать и передать будущим поколениям».

С понятием «культурное наследие» тесно связана категория «природное наследие», отсюда правомерность появления термина «культурный ландшафт», который трактуется как результат совместного творчества человека и природы [3]. Поэтому неслучайно в «Конвенции об охране культурного и природного наследия» под наследием понимается «система материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и сбереженных предыдущими поколениями и представляющими исключительную важность для сохранения культурного и природного генофонда Земли и ее дальнейшего развития».

Исторический подтекст здесь косвенно просматривается лишь в части «...созданных и сбереженных предыдущими поколениями».

Говоря о «культурно-историческом наследии», мы будем исходить из того, что любой объект культурного наследия всегда носит конкретно-исторический характер, создается в системе ценностей конкретной эпохи, часто «обслуживает» данную эпоху. При этом ни один автор материальных или духовных ценностей не может предугадать судьбу своего творения, насколько оно будет востребовано в будущем и как будет интерпретировано. Поэтому неслучайно термины «культурное наследие» и «культурно-историческое наследие» не только сосуществуют, но и зачастую пересекаются в трактовках, при этом иногда сложно уловить доминанту культуры или истории, настолько тесно они переплетены и взаимосвязаны.

Нам представляется, что в общепризнанной позиции Э.А. Баллера в понимании культурного наследия четко просматривается историческое начало, поскольку в нее включена возможность интерпретации и осмысления с точки зрения современности. Ученый трактует культурное наследие как «...совокупность результатов материального и духовного производства прошлых исторических эпох, а в более узком смысле как сумму доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, подлежащих критической оценке и пересмотру, развитию и использованию в контексте конкретно-исторических задач современности, в соответствии с критериями социального прогресса» [1, с. 56].

Т.С. Курьянова [4] высказывает точку зрения об отсутствии в приведенном определении эмоционально-ценностного аспекта в трактовке артефактов и текстов наследия. Полагаем, что это не совсем корректно, потому что критическая оценка и пересмотр уже предполагает эмоциональное, а значит субъективное, отношение человека к объекту анализа и использования. Более того, любой пересмотр всегда будет произведен с позиции человека, живущего в настоящем. Так, оценка культурного наследия в советскую эпоху всегда была

связана с идейно-политическими основами того времени. Для человека, живущего в современном историческом времени, характерно сосуществование различных подходов и трактовок, порой достаточно парадоксальных.

Нам импонирует точка зрения К. Хоруженко [9, с. 640], согласно которой культурно-историческое наследие является одной из форм закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества. Автор выделяет следующие компоненты культурно-исторического наследия: язык, идеалы, традиции, обряды, обычаи, праздники, памятные даты, фольклор, народные промыслы и ремесла; произведения искусства, музейные, архивные и библиотечные фонды, коллекции, рукописи, письма, личные архивы; памятники архитектуры, науки и искусства, памятные знаки, сооружения, ансамбли, достопримечательные места и другие свидетельства исторического прошлого. Культурно-историческое наследие, по его мнению, представляет собой синтетическое понятие, включающее разнообразнейшие проявления культуры.

Такой широкий взгляд, с одной стороны, «включает» автора любого объекта или артефакта культуры – человека, а с другой стороны, дает ему право отражать в созданных феноменах культуры ценности и идеалы конкретной исторической эпохи. При этом создается тончайшее полотно той части жизненной среды, где в жизнедеятельность субъекта включаются явления внешнего мира, добавим, созданного людьми, которые жили прежде, или живут «сегодня и сейчас».

В контексте вышеизложенного культурно-историческое наследие старинного сибирского города Енисейска представляет собой сложный симбиоз ценностей, идеалов и установок различных исторических эпох, которые нашли отражение в культурном материальном и духовном воплощении [5]. Но даже краткий анализ культурно-исторического наследия Енисейска убеждает нас в том, что история и культура, хотя и сосуществуют, взаимодействуют и воплощаются в культурно-историческом наследии, все же имеют разную природу. История никогда не бывает свободна, всегда «привязана» к конкретике определенного периода, отсюда жесткая фиксация ценностей в национальной идее, политике и пр. У культуры судьба сложнее, она вневременная, свободно «гуляет» по эпохам, воплощает вечные ценности, но в то же время часто вынуждена выражать идеалы конкретной исторической эпохи. Культурно-историческое наследие Енисейска является подтверждением высказанной мысли. Богатейший жизненный опыт старинного сибирского города предстает перед каждым новым поколением одновременно с позиции конкретной исторической эпохи и как культурная самоценность.

Мы избрали в качестве предмета исследования ту часть культурно-исторического наследия Енисейска, которая связана с фактом существования в нем педагогического института (1940-1977 гг.).

Свой путь институт начал в суровое предвоенное время, за год до начала войны. 22 июня 1940 года вышло Постановление Совнаркома РСФСР, согласно которому Енисейское педагогическое училище было преобразовано в Енисейский учительский институт. Задачи перед новым институтом были поставлены конкретные: в предвоенные годы важнейшим делом в стране являлось осуществление всеобщего среднего обучения в городе и завершение всеобщего семилетнего обучения в сельской местности. На фоне роста сети средних школ возрастала потребность в педагогических кадрах. Географический фактор также играл немаловажную роль: необходимо было укомплектовывать кадрами школы северных территорий Красноярского края. Решение идейно-политических задач при создании нового вуза в сибирской глубинке – важное по меркам исторического периода дело. Но было еще, говоря языком современной педагогики, последствие, которое заключалось в том, что сквозь идеологические шоры преподавателям вновь рожденного вуза удалось заложить основы духовности и интеллигентности, которыми всегда славилась российская глубинка [8].

Историю Енисейского педагогического отличает преодоление трудностей, которые начались буквально с первых дней существования вуза. Он открылся, когда другие вузы уже объявили о наборе студентов, и большинство выпускников школ отправили в них документы. Поэтому в 1940-41 учебному году был недобор студентов, и вместо плановых 120 было принято 108 студентов. Обучение было платное, и уже в ноябре 58 человек выбыли из-за тяжелого материального положения, 9 были призваны в ряды Красной Армии. В итоге вуз начинался очень скромно: 41 студент: 16 – на историческом отделении и 25 – на отделении русского языка и литературы. Преподаватели в то время не имели опыта работы в вузе, и часто занятия и лекции напоминали уроки в школе. Страна в те годы жила трудно, и поэтому бытовые условия студентов и преподавателей были крайне сложными. Но все эти трудности носили вторичный характер. Преподаватели вуза хорошо понимали и выполняли свою миссию, которая имела вечный смысл – и в военное, и в мирное время нужно учить детей, и Енисейский сначала учительский, а с 1954 года Енисейский государственный педагогический институт каждодневно готовил будущих учителей для работы в школах севера Красноярского края. Эта принципиальная позиция определила вклад Енисейского педагогического института в развитие культурной жизни города и региона.

Разумеется, эта интенция исходила не только от преподавателей, но и являлась внешним заказом, поскольку, помимо своего прямого назначения, институт был призван стать местом

сосредоточения культуры и науки в регионе. Этот призыв, по сути, никогда не озвучивался и не ставился во главу угла, но всегда подразумевался. Задача казалась почти непосильной на фоне низкой «остепененности» педагогического коллектива и географической отдаленности города и вуза от научных и культурных центров. Выручал энтузиазм преподавателей, вера в будущее и общая позиция «ученичества»: учились и студенты, и преподаватели. Именно последнее способствовало тому, что институт стал таким центром. Это получилось не сразу, ведь становление института выпало на трудные военные годы, когда резко ухудшилось материальное положение населения, что лишало многих потенциальных абитуриентов возможности учиться в вузе [2].

Послевоенный период Енисейского педагогического – это время становления института, где ведущий вектор развития определялся не только важнейшими партийными решениями об улучшении подготовки педагогических кадров. Существенным оказывался внутренний настрой преподавателей и студентов, который соответствовал духу времени – страна победила в жестокой битве с фашизмом и вступила в полосу мирной жизни, значит, предстояло трудиться для будущих поколений. Этот контекст проявлялся во всех сферах жизни института.

Главным делом коллектива института было обучение студентов, и в послевоенные годы ситуация с преподаванием кардинально меняется в лучшую сторону. Всевозможные комиссии с проверками, столь распространенные в советское время, не раз констатировали все более возрастающий уровень подготовки учителей в Енисейском педагогическом институте.

Но помимо этого, как показывают документы и воспоминания, общественная жизнь института оказывала доминирующее влияние на духовную жизнь маленького сибирского городка, причем это были не только специально организованные лекции для населения, выступления агитбригад и пр. Это культурное влияние происходило словно не специально. Население Енисейска, в то время существенно представленное политическими ссыльными, органично откликнулось на факт открытия в городе высшего учебного заведения.

Рост и значимость провинциального вуза нашли отражение в переименовании вуза. В 1954 году Енисейский учительский институт был преобразован в Енисейский государственный педагогический институт. История доказала, что переименование статуса вуза всегда существенным образом влияет на его дальнейшую судьбу, ведь с изменением статуса меняются требования ко всему, что происходит в стенах высшего учебного заведения.

Несмотря на трудности, можно говорить о том, что вектор жизни вуза был в динамике прогрессивного развития. Вместе с тем даже с высоты нынешнего дня совершенно очевидно,

что за скромной цифрой количества преподавателей стоят порой титанические усилия коллектива соответствовать требованиям высшей школы. В жизни института того периода отразилась закономерность: судьба выбирает человека для свершения каких-то очень важных дел, и одновременно он сам изменяет судьбы людей, с которыми идет по жизни. В енисейском периоде жизни вуза эта закономерность выразилась сполна. Преподавателям и студентам небольшого провинциального института удалось создать вуз, который стал мобильным центром подготовки учителей для северных районов Красноярского края. Ориентированный на подготовку кадров для сельских школ, Енисейск притягивал молодежь к себе, и та, в свою очередь, вносила новый импульс в жизнь города. Говоря современным языком, формат жизни института того времени можно охарактеризовать понятием «сотрудничество в широком социальном контексте». Институт стал важной частью городской жизни, ее культурным и просветительским центром. Лидирующим началом здесь были преподаватели, деятельность которых была весьма многообразной: от проведения занятий и руководства педагогической практикой до чтения лекций по линии общества «Знание» и участия в спектаклях Енисейского народного театра. Несмотря на отдаленность от крупных научных центров, в институте проводились интереснейшие исследования. Так, в 1961 году при институте была открыта Станция наблюдений за искусственными спутниками Земли (ИСЗ).

Послевоенные годы жизни института можно было бы назвать «серебряным веком» вуза. Но возникли новые проблемы, решение которых требовало творческого подхода, пересмотра устоявшихся методов работы. Об этом свидетельствует программный аналитический доклад А.Я. Плаксина, назначенного ректором в 1967 году. В докладе отмечалось падение дисциплины, увеличение числа пропусков занятий, снижение активности студентов. Конечно, сыграли свою роль объективные причины: снизился возрастной уровень студентов, в вуз пришли абитуриенты послевоенного поколения, не стало конкурса, произошли изменения в педагогическом составе, ушли многие квалифицированные, опытные преподаватели. Коллектив с горечью понимал, что то, что было предпринято в последние годы, было явно недостаточно. Казалось, сделано было немало: организованы факультет общественных профессий, рабфак, студенческое научное общество, Макаренковское общество, агитколлектив, проводились вечера встреч первокурсников [2]. Но студенты младших курсов не приучались к систематической самостоятельной работе, а на старших курсах исправлять положение дел уже было поздно. Актуальным стал вопрос об организации студенческого самоуправления. Решение было найдено, и оно оказалось одновременно простым и крайне сложным. В работу активно включились преподаватели и особенно кураторы студенческих групп.

37 лет жизни института были временем становления и развития вуза. Большими усилиями, самоотверженным трудом руководства и коллектива преодолевались трудности, связанные с бедной учебно-материальной базой, плохими бытовыми условиями, нехваткой кадров, «неудобным» географическим положением.

История енисейского периода жизни педагогического института – яркое подтверждение одной из лучших традиций отечественной истории и культуры. Провинция всегда являла собой в России основу сохранения духовности и интеллигентности в обществе. Высшее образование всегда играло здесь особую роль. В данном контексте изучение фактологической основы истории Енисейского педагогического института открывает новые возможности для интерпретации и оценки культурно-исторического наследия Енисейска с современных позиций.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного гранта № 16-16-24007 и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности.

Список литературы

1. Баллер Э.А. Социальный вопрос и культурное наследие. – М., 1987. – 160 с.
2. Бехтерев В.Ф. Труд и вдохновение. 60 лет Лесосибирскому (Енисейскому) педагогическому институту. – Красноярск : Красноярский гос. ун-т, 2000. – 136 с.
3. Кулешова М.Е. Понятийно-терминологическая система «природное культурное наследие»: содержание и основные понятия // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов : сб. науч. тр. – М., 1994. - С. 41.
4. Курьянова Т.С. Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестник Томского государственного университета: Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 2. – С. 12-18.
5. Майничева А.Ю. Недвижимые объекты культурного наследия сибирских городов в аспекте концепции культурного капитала (на примере Енисейска) // Вестник Томского государственного университета: Культурология и искусствоведение. – 2012. - № 1 (5). – С. 43-58.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М. : Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1999. - С. 391.
7. Петрова И.А., Кибасова Г.П., Назаров А.А. Культурно-историческое наследие: современные трактовки понятия // Грани познания : электронный научно-образовательный журнал ВГПУ. - 2010. – № 4 (9). - URL: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 10.10.2016).

8. Семенова Е.В., Храмова Л.Н. 75 лет на ниве просвещения // Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2015 год. – Красноярск : Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края, 2014. – С. 93-96.
9. Хоруженко К.М. Культурология : энцикл. слов. – Ростов н/Д, 1997. – С. 640.
10. Prott L.V. Problems of Private International Law for the Protection of the Cultural Heritage, Recueil des Cours. - Hague : Academic de Droit, 1989. - Vol. 5. - P. 224–317.